

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

г. Москва

ЛИТЕРАТУРА КАК ПРЕДВЕСТНИЦА НАНОТЕХНОЛОГИЙ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

«Я не думаю, что кого-то поражу этой мыслью: совершенно очевидно, что в ближайшие годы развитие нанотехнологий способно изменить облик человечества, изменить нашу жизнь».

Дмитрий Медведев
(выступление на Втором нанофоруме,
5 октября 2009 года).

1

Как утверждают учёные, исследующие возникновение жизни на Земле, всё началось с того, что около четырёхсот миллионов лет назад в атмосфере нашей планеты появился тонкий слой озона, оказавшийся достаточно плотным для того, чтобы защитить жизнь от губительного воздействия космического излучения и дать ей возможность выйти из океана на сушу. Именно это дало начало той уникальной и, похоже, единственной во Вселенной эволюционной цепи, которая породила впоследствии громадное разнообразие живых форм, включая человека.

Озоновый слой – уникальная самобалансированная система. Чем больше его находится в атмосфере – тем больше ультрафиолетового излучения он поглощает, обеспечивая безопасность всему живому на Земле.

Однако этот спасительный для нас щит оказывается не так уж и прочен. Если бы весь находящийся в атмосфере озон можно было извлечь и сжать под нормальным давлением, то в результате получился бы слой, покрывающий поверхность Земли толщиной всего 3 мм, тогда как вся сжатая под нормальным давлением атмосфера составила бы слой в 8 км. Таким образом, отношение толщины озонового слоя к защищаемой им атмосфере равняется 3:8000000 и являет нам, по сути, пример естественного, созданного самой природой, нанослоя. И, как мы уже отмечали, именно этот тончайший слой, этот невидимый глазу газовый щит защищает Землю от смертельного воздействия солнечной радиации, образует тепловую конструкцию нижней атмосферы и способствует тем самым сохранению жизни на планете.

Другой пример давным-давно существующего рядом с нами нанослоя – это покрывающий тыль-

ную сторону зеркала тончайший слой амальгамы, которая как раз и отражает собой всю попадающую в зеркальный створ часть видимого мира.

Практически точно так же, как рассредоточенный в атмосфере Земли озоновый слой или нанесённая на тыльную поверхность зеркального стекла амальгама, в строгом соответствии с разработанными самой эволюцией принципами нанотехнологий действует и настоящая серьёзная литература – как классическая, так и современная. С одной стороны, обволакивая собой, подобно озону, духовно-нравственную атмосферу нашей цивилизации, она оберегает её от губящего всё своими пошлостью и цинизмом излучения масскульта, а с другой – позволяет, как в зеркале, увидеть в себе наш сегодняшний нравственный облик и, в случае его отклонения от идеала, внести своевременные коррективы в формирование духовного мира современника. При этом речь ни в коем случае не идёт о прямолинейном воздействии литературы на сознание читателя посредством таких литературных текстов, как, например, знаменитый монолог Павки Корчагина из романа Николая Островского «Как закалялась сталь», гласящий, что жизнь человеку даётся всего один раз «и прожить её надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы», или же – как пронизанные верой в торжество социалистической революции поэмы Владимира Маяковского. Какие уж тут нанотехнологии! Тут перед нами откровенные идейно-политические агитки – пусть очень талантливые, высоконравственные, духоподъёмные, искренние, но всё же действующие в рамках стандартных идеологических технологий, изложенных ещё В.И. Лениным в его работе «Партийная агитация и партийная литература».

Нановоздействие литературы проявляет себя иначе, не напрямую. Само собой, какие-то фрагменты поэмы Николая Алексеевича Некрасова о том, кому на Руси живётся хорошо, а кому – не очень, вдохновляли совестливых граждан царской России на борьбу за освобождение крестьянства, какие-то строчки стихов Пушкина будили в читателях стремление к вольнодумству, поселяя в них сомнения в непогрешимости самодержавия, а повесть Алексея Максимовича Горького «Мать» и такие революционные песни, как «Марсельеза» и «Смело, товарищи, в ногу», могли вести пролетариат непосредственно на баррикады. Но влияние литературы на народ и историю было гораздо более тонким и значимым, и тому имелись свои причины.

Надо признать, что возможность прочитать

столь сильно напугавшее Екатерину II сочинение Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» имела у очень узкого круга жителей дореволюционной России, как и возможность прочесть исследование Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» – у жителей России советской. Но каким-то невероятно парадоксальным образом сила воздействия этих авторов и их творчества на российское общество была при их непечатании во много раз выше, чем после издания их книг массовыми тиражами. Тень непечатанного народом солженицынского «Архипелага» будила и тревожила душу почти каждого, кто о нём что-нибудь слышал, однако её значение тысячекратно сдулось и скукожилось, едва только эта вещь была опубликована в журнале «Новый мир», а затем начала выходить отдельными книгами. Это вовсе не значит, что для увеличения авторитета писателей в глазах читательских масс их книги надо перестать издавать большими тиражами, но это показывает, что наряду с бытованием на книжно-журнальных страницах российская литература никогда не порывала с начатой ещё древнерусскими духовными стихами XI–XIII веков традицией устного распространения. Так исторически сложилось, что в России всегда, начиная со времён древнерусского летописания и вплоть до перестроечной поры, значимые книги были в постоянном и острейшем дефиците, что вынуждало читавших пересказывать их содержание нечитавшим, говорить о них, обсуждать высказанные в них идеи, упоминать в разговорах имена их авторов и персонажей, цитировать запомнившиеся строчки и фрагменты и даже переписывать их от руки. (Я ведь помню, как в 1960-е годы моя сестра Танька сидела ночами за кухонным столом, переписывая из чьей-то тетради в свой заклеенный фотографиями артистов «Песенник» стихи ещё не изданного массовыми тиражами Сергея Есенина, среди которых я однажды, взяв тайком полистать Танькин «Песенник», наткнулся на щекочущие воображение строки: «Ты сама под ласками сбросишь шёлк фаты, унесу я пьяную до утра в кусты...» А в конце 1970-х, увлечшись поэзией, я уже и сам переписывал в свой литературный блокнот запретный в те годы ахматовский «Реквием».) Да и допущенных цензурой к изданию книг на всех желающих тогда тоже не хватало, а может быть, в советском обществе просто никогда не хватало таких идей, какие высказывались писателями в их произведениях и разговорах, а потому опубликованные ими в книгах и альманахах строки или сказанные за кружкой пива фразы мгновенно облетали страну, ты-

сячекратно цитировались и повторялись в частных беседах, служа высшей аргументацией в отстаивании своих идей и взглядов. Благодаря этому в Советском Союзе едва ли не большее значение, чем сами литературные произведения, стал иметь так называемый текущий литературный процесс, уже одними своими непредсказуемыми рывками и поворотами говоривший о нравственной ситуации в стране не меньше, чем содержанием создаваемых в те годы стихов, поэм и романов.

Таким образом, литература переставала быть жанром, сконцентрированным непосредственно в одних только границах искусства, и приобретала характер тончайшего интеллектуального продукта, рассредоточенного, под стать озону, по всей духовно-нравственной атмосфере советского общества. Подобно тому, как нанотехнологии представляют собой технологии работы с веществом на уровне отдельных атомов, литература, неся в глубине своей природы генетически заложенный в неё код нано, также работает на уровне отдельных имён, слов, образов, строчек и выражений, что особенно ярко проявило себя в годы торжества соцреализма. Цитаты из произведений классиков отечественной литературы и признанных писателей-современников украшали доклады и речи политических деятелей и учёных, строчки широкоизвестных стихотворений то и дело использовались в качестве названий журналистских статей и телевизионных передач, на писателей ссылались артисты и руководители промышленных предприятий, встречи с мастерами поэзии и прозы регулярно транслировались по радио и телевидению, исполнявшиеся тогдашними «звёздами» эстрады песни были написаны не кем попало, а исключительно профессиональными поэтами, литература и её творцы были постоянно на виду и на слуху, в стране выходило огромное количество книг на языках всех народов СССР, произведения национальных авторов переводились на русский язык, а русских писателей – на национальные языки, благодаря чему между жителями братских республик не было и намёка на то непонимание и отчуждение, какие царят в наше время, а события сродни тем, что произошли в Кондопоге и на Манежной площади, были тогда просто непредставимы. Чтение не подменяло собой реальной жизни, оно просто являло собой одну из её сторон – и эта сторона, при всей её кажущейся второстепенности по отношению к повседневной реальности (почти те же 3:8000000, что и в случае с озоном), играла в жизни общества весьма немаловажную роль.

Сказать, что ты не читал «Треугольную грушу» Андрея Вознесенского, «Аз и Я» Олжаса Сулейменова или «Алмазный мой венец» Валентина Катаева было тогда всё равно что признаться в том, что ты никогда не меняешь носки или не чистишь зубы. Литература была выше быта, выше моды. В определённой мере она как раз и была её законодательницей, создательницей модели поведения и мышления.

2

Ещё один пример применяемой в течение уже многих лет практики использования нанослоя – это женские помада, пудра, румяна, кремы и тени. Имея ничтожно малое объёмное соотношение к массе покрываемого объекта, тончайший слой парфюмерии, практически ни на йоту не изменяя свойств непосредственно самого лица, резко меняет его восприятие окружающими людьми. Нанесённая на кожу женщины тончайшая наноплёнка румян или пудры вызывает у контактируемых с нею мужчин чувство симпатии и влюблённости, а иной раз и гораздо более кардинально воздействует на чью-то судьбу, подталкивая очарованного парфюмерными чарами мужчину к браку.

Примерно таким же образом воздействовала на сознание советского общества и литература эпохи соцреализма, которая в течение семи десятилетий занималась тончайшей «лакировкой действительности», изменяя с помощью создания положительных художественных образов восприятие не всегда привлекательной правды тогдашней жизни. При этом «лакировочный слой» советской литературы действовал не лобово и одномоментно, а опосредованно и постоянно. Подобно озону в атмосфере Земли, он был рассредоточен в кипении социалистического бытия в виде школьных сочинений о Павке Корчагине, заучиваемых (и оседающих в памяти хотя бы отдельными строчками) стихов Маяковского, Багрицкого и Светлова, показываемых по телевизору мультиков про Мальчиша-Кибальчиша, демонстрируемых в кинотеатрах художественных фильмов по произведениям советских классиков, работ скульпторов и художников на темы известных книг, спектаклей о героях революции, звучащих по радио и во время праздничных шествий революционных песен, а также в других проявлениях социалистической прозы и поэзии.

А параллельно с этим «лакировочным слоем» на коллективный разум и душу граждан СССР

оказывал своё воздействие ещё и полуподпольный «нанослой» диссидентской литературы, будоражащий подсознание масс не столько, как мы говорили выше, своими запрещёнными (а потому и отсутствующими на книжных прилавках и в библиотеках Советского Союза) произведениями, сколько долетающими по «Би-Би-Си» и «Голосу Америки» фрагментами из них, ходящими о них слухами, сообщениями о высылке из страны их авторов и другими микроинформационными поводами.

Лучше всего механизм воздействия литературного «нанослоя» на текущую реальность можно проиллюстрировать на примере «принципа работы» политических анекдотов, составлявших при советской власти не менее пятидесяти процентов так называемого «городского фольклора» (вторые пятьдесят – это блатные и уличные песни, приносимые в общество освободившимися из зоны «урками», в 1960–1970-е годы весьма сильно потеснённые песнями А. Галича, В. Высоцкого, Б. Окуджавы, А. Розенбаума и других бардов). Пребывая в отношении к общенациональной культуре и общенациональной идеологии примерно в такой же пропорции, как озон к земной атмосфере, анекдоты, тем не менее, оказывали огромное корректирующее воздействие на восприятие обществом не только официальной позиции государства по тем или иным вопросам, но и почти всех сторон жизни советского народа – как личных, так и общественных. Самые высокие идеи и чистые идеалы, самые заветные мечты и сияющие цели, самые сокровенные чувства и значимые исторические свершения, самые великие победы и почитаемые народом герои, самые любимые персонажи произведений и самые великие вожди и преобразователи жизни – всё, что хотя бы одним только краешком попадало в оскаленную смехом мясорубку анекдота, перемалывалось в ней и превращалось из высокодуховного и нравственно чистого в нечто отталкивающее и вызывающее насмешку; всё, что хотя бы на мгновение залетало в «кривое зеркало» анекдота, отражаясь в его покоробленной хохотом поверхности, получало кардинальное смысловое искажение и преобразалось в уродливую карикатурную картину.

Внутренние законы анекдота ещё требуют своего серьёзного изучения и анализа, но уже сегодня видно, что его природа во многом напоминает поведение содержащихся в атмосфере наночастиц, которые способны проходить через клеточные мембраны и защитные барьеры иммунной системы человека, провоцируя у него бронхиталь-

ную астму и развитие других лёгочных заболеваний. В дальнейшем наночастицы могут проникать из лёгких в кровеносное русло и свободно разноситься с током крови по всему организму, делая бесполезной его иммунную защиту и окончательно разрушая здоровье человека.

По этой же схеме ведёт себя и анекдот, который свободно проникает практически через все барьеры и цензурные запреты, разносится со слухами по самым дальним уголкам и закоулкам государства и, подтачивая его идейную статью и крепь, в конце концов ослабляет и разваливает всю, казавшуюся такой нерушимой и могущественной, политическую систему. Подобно наночастицам, которые имеют свойства отражать солнечные лучи и влиять этим на формирование климата на планете, вплоть до создания тотального обледенения, анекдоты оказались способны отражать собой сияние манивших нас из будущего слепящих вершин коммунизма, снижать сверкание ореолов наших вождей и генсеков и уменьшать тем самым энтузиазм построения светлого будущего, подрывая в его строителях веру в победу коммунистической идеи и формируя предпосылки для изменения идеологической «погоды» в стране.

Именно эти способности анекдота сделали возможным то, что этот ничтожнейший из примыкающих к литературе жанров словесного творчества сумел расшатать столь пленявшую многих идею построения государства социальной справедливости и всеобщего равенства, подточить его культуру и, по сути, подготовить почву для окончательного разрушения крупнейшей в мире сверхдержавы. И всё это благодаря принадлежности анекдота к таинственным, могущественным и ещё только начинаемым нами изучаться нанотехнологиям, постижение которых обещает впереди непредсказуемые перспективы и открытия. Уже сегодня ясно, что удивительный мир наночастиц таится не столько в чрезвычайно малых их размерах (один нанометр – в 50000 раз меньше обыкновенного человеческого волоска!), сколько в их необыкновенных, почти фантастических или сказочных свойствах – механических, физических, тепловых, оптических, электрических, химических и прочих. Мир нанотехнологий выходит далеко за рамки известных нам законов классической физики, даже таких, как широко известные законы гравитации и скорости – и все эти качества в самой полной мере проявляет себя и в литературе.

3

Если мы посмотрим на некоторые из созданных за последнее время наноразработчиками конкретных изделий и материалов, то увидим там немало не просто оригинального, но принципиально меняющего роль давно знакомых и обычных вещей в нашей жизни. Вот, скажем, рубашки, которые в буквальном смысле «подзаряжают» своего владельца энергией во время быстрой ходьбы или бега. Источником такой «подзарядки» служат специальные энергетические микрокапсулы, внедрённые в структуру рубашечной ткани. При активном движении человека (физической работе, беге или быстрой ходьбе) температура его кожи повышается, и этого становится достаточно для того, чтобы капсулы начали испарять бодрящие ароматические вещества, прибивающие бегуну сил.

Интересна также ткань, в одежде из которой человек навсегда будет избавлен от неприятного запаха пота, поскольку она обладает свойствами моментально выветривать влагу со своей поверхности.

Создана также специальная изолирующая ткань, нейтрализующая опасное электромагнитное излучение, исходящее от мобильных телефонов. Теперь можно спокойно и без всякой опасности облучения класть мобильники в карманы пиджаков и курток, обшитые этой защитной тканью. А для тех, кому противопоказано действие прямых солнечных лучей, разработана ткань из нановолокон, не пропускающих ультрафиолета...

Казалось бы, что ни изобретение – то новизна и открытие, революционный прорыв и подъём на новую эволюционную ступень развития и прогресса. Однако анализ того, что сделано нашими писателями за предшествующие столетия, показывает, что на духовно-интеллектуальном уровне все эти «чудеса» давным-давно являются присущими нашей отечественной литературе, причём не только в виде воздействия на читателя тех или иных конкретных произведений, но как общее для неё свойство взаимодействия с реальностью. Русский народ всегда, на протяжении многих веков, согревал свою душу пламенной духоносной литературой, огненным словом писателей, черпая силы в произведениях наших классиков, которые он берёт как самые дорогие в доме вещи и не продавал даже в голодные и максимально трудные для себя времена. А от скольких грехов, заблуждений и соблазнов очищала его душу поэзия Пушкина, Некрасова, Блока, Есенина, Ахматовой, Рубцова, Тряпкина, Мандельшта-

ма! Как защищала от губительного облучения пошлостью и цинизмом проза Тургенева, Бунина, Шмелёва, Булгакова, Шолохова, Шукшина, Липатова... При этом далеко не всегда литература воздействовала на реальность непосредственно самими своими текстами, иной раз уже одно только имя писателя или моменты его биографии работали сильнее, чем все его сочинения. Высказывания Льва Толстого, остроты Светлова и Олеси, слухи о скандалах Есенина, мифы о телефонных звонках Сталина Булгакову и Пастернаку, пересказы эпизодов писательских посиделок в ресторане ЦДЛ, ореол пророка-изгнанника над судьбой Александра Солженицына, легенды о судимости Высоцкого, негативная реакция властей на творчество или поведение отдельных авторов, информация о гонениях и репрессиях в адрес тех или иных писателей, а также множество других «побочных» сторон текущего литературного процесса оказывали не менее активное влияние на формирование общественного сознания, чем закручиваемые писателями в их книгах метафорические сюжеты и высказываемые их персонажами идеи. Одно только имя Пушкина вот уже двести лет, подобно спасительному озоновому щиту, защищает собой нашу культуру от бомбардирующего её излучения западной массовой культуры – с её неприкрытыми цинизмом, пошлостью, порнографичностью, бездуховностью, отсутствием социальной значимости и всё более обозначаемым креном в сторону греха и сатанизма. И всему этому откровенному негативу (если не сказать – ужасу) противостоит даже не столько поэзия Пушкина, сколько веками сохраняющаяся в подсознании русского народа память о его лёгком, светлом, воздушном и радостном имени, входящем в нашу жизнь со сказкой о рыбке и рыбке и строчками удивительных стихов про бой Руслана с вызывающей одновременно и трепет, и ужас, и сострадание Головой...

Нынешние наноразработчики только нащупывают те чудодейственные технологии, которые со времён древнерусского летописания сознательно или бессознательно, но на полную мощь использовала наша великая литература, – не только совокупной идейно-содержательной массой всех саккумулированных в ней произведений, но и отдельными моментами, отзвуками и проекциями литературного процесса, точно мельчайшими наночастицами, влияющая на формирование и развитие отечественной истории. Если бы не это её влияние на нашу реальную жизнь, то всё сказанное выше так и осталось бы не более как любопытными и забавными наблюдениями в ду-

хе какого-нибудь занимательного науковедения или сравнительного литературоведения. Но трезвый взгляд на историю русской литературы от её появления до сегодняшней поры показывает, что слишком многое из того, что случилось в нашей стране и мире за прошедшие тысячелетия, сначала было предсказано и описано на страницах литературных произведений.

Эпиграфом к разговору о провидческой (или даже – всевидческой) функции литературы лучше всего подошли бы строчки того же А.С. Пушкина из его «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях» – те, где новая жена царя беседует с волшебным зеркалом, вопрошая его: «Свет мой, зеркальце! скажи да всю правду доложи», – и не только потому, что здесь перед нами снова всплывает такая разновидность нанослая как покрывающая тыльную поверхность зеркального стекла амальгама, а потому, что за литературой давно уже замечено это присущее пушкинскому зеркальцу сказочное свойство – показывать то, что ещё только завтра станет нашей исторической явью. В трудах не одного поколения литературоведов уже не раз говорилось о том, русские народные (и созданные на их основе литературные) сказки предвосхищают многие технические изобретения последующей поры, за десятилетия, а то и за столетия вперёд предсказав такие изобретения, как автомобиль (Емелина самодвижущаяся печь, сани-самокаты, шагающие избы и т.д.) и воздушный лайнер (ковёр-самолёт). К этому же ряду можно отнести и изображённое поэтом зеркальце, удивительная способность которого транслировать изображение на большие расстояния позволяет увидеть в этом образе предсказание сегодняшнего телевидения.

Есть в истории литературы и более конкретные, а потому и более впечатляющие примеры того, как творческое воображение писателей предупреждало читателей о ещё не наступивших событиях отдалённого будущего. Так, например, в 1898 году малоизвестный американский писатель Морган Робертсон написал книгу «Тщётность», в которой описывался первый рейс некоего вымышленного океанского лайнера «Титан» с водоизмещением в 75 тысяч тонн и длиной корпуса 250 метров. Двигаясь в водах Северной Атлантики с помощью трёх винтов при скорости 25 узлов, этот корабль сталкивается с айсбергом и идёт на дно, а три тысячи его пассажиров тонут из-за того, что на корабле было только 24 спасательных шлюпки и на всех пассажиров их не хватило.

А через 14 лет в своё первое плавание отправляется трёхвинтовой пассажирский лайнер «Тита-

ник» водоизмещением в 66 тысяч тонн и длиной корпуса 260 метров. Плывая со скоростью 23 узла, он налетает на айсберг и идёт ко дну. На его борту оказывается только 22 спасательных шлюпки, поэтому большинство из 2200 пассажиров тонет – эта трагедия произошла 14 апреля 1912 года.

По-своему пророческой можно считать и поэму Н.В. Гоголя «Мёртвые души», которая, по сути, предсказала появление той политической системы, что воцарилась у нас после 1917 года, когда живые люди с их реальными судьбами оказались почти напрочь заслонены от глаз власти некими мёртвыми канцелярскими списками – и точно так же, как Чичиков покупал и даже «переселял» в Херсонскую губернию существовавших лишь в виде фамилий на бумажных списках крепостных крестьян, так в 1920-е годы людей списками загоняли в колхозы, списками принимали в комсомол и в партию, списками представляли передовиков к правительственным наградам, премиям и почётным грамотам, и списками же расстреливали и отправляли на Колыму.

Таким же беспощадно точным прогнозом оказался и роман Ф.М. Достоевского «Бесы», в котором им была описана кровавая природа социалистической революции, за осуществление которой, по его прогнозам, России потребуются заплатить не менее ста миллионов жертв.

Похожие на эти весьма точные предвидения будущего можно отыскать также в произведениях и других авторов – фантастов, реалистов, поэтов и т.д. – хотя все они, скорее всего, только интересные моменты их личного творчества, свидетельствующие об их индивидуальной прозорливости или некотором даре провидчества. Гораздо важнее для нас не способность отдельных авторов к угадыванию каких-то конкретных эпизодов будущего, а сам факт наличия отчётливой причинно-следственной связи между наблюдаемыми в определённый момент времени тенденциями развития литературы и проявляющимися себя через несколько лет после этого в реальной жизни тенденциями общественно-экономического и политического развития государства. И, судя по некоторым признакам, литература не просто предсказывает грядущие пути развития общества, но даже формирует и предопределяет их. А значит, благодаря наблюдениям за литературным процессом можно не только знать, куда повернёт завтрашняя история, но и самим влиять на ход её развития, уже сегодня воздействуя на развитие текущего литературного процесса.

4

Ещё В.В. Розанов озвучил мысль о том, что именно в литературе, вокруг литературы и посредством литературы готовились все исторические преобразования и перемены в России, все социальные сдвиги и перевороты, все культурные проекты, все философские, религиозные, этические, эстетические и научно-практические теории. По тому, как развивался литературный процесс, можно было судить о тенденциях развития всей русской истории, – что и отслеживали в своих статьях такие литературные критики как Добролюбов или Белинский. Поэтому их работы столь сильно политизированы и относятся не столько к разряду изящной словесности, сколько – общественной мысли.

Посмотрим на самый близкий нам как по времени, так и по актуальности пример воздействия литературы на текущую реальность, проявивший себя в последние годы под видом мирового финансового кризиса.

Ключевым словом при анализе причин обрушения ведущих банков мира стало многократно и повсеместно употребляемое всеми в эти дни, весьма трудно объяснимое слово «деривативы», в упрощённом виде означающее собой некую разновидность вторичных финансовых документов, используемых в сделках, не связанных напрямую с куплей-продажей, в основном, для страхования рисков и извлечения дополнительной прибыли. Согласно § 2.2 Закона Германии от 9 сентября 1998 года «О торговле ценными бумагами», деривативы – это «права, торговля которыми осуществляется на отечественном или зарубежном рынке, чья рыночная цена прямо или косвенно связана с движением рыночной цены ценных бумаг или иностранной валюты или с изменением процентных ставок». Комиссия по фьючерсной торговле США определила дериватив как «договор, цена которого производна от ценности одной или более базовых ценных бумаг, индексов, долговых инструментов, товаров, других производных инструментов или любого согласованного ценового индекса или показателя (например, движение индекса потребительских цен или фрахтовых тарифов)».

Понятнее всего высказался о деривативах известный нью-йоркский журналист и писатель Михаил Идов, сказавший, что «игра на деривативах есть заключение пари об исходах пари, заключаемых кем-то другим». Таким образом, на рынке производных успех подавляющего числа банковских операций по спекуляции деривативами

оказался зависим не от развития собственного дела, а исключительно от чужого успеха. Или – от чужого провала.

Однако продажа и многократная последующая перепродажа абсолютных финансовых пустышек не может продолжаться бесконечно, такая система работает лишь до тех пор, пока все верят, что она работает. К примеру, один из главных экономических показателей в США – индекс потребительской уверенности, который измеряет уверенность американцев в завтрашнем дне. Если индекс свидетельствует, что народ настроен оптимистично, то по стране курсирует больше капитала, если показания индекса носят пессимистический характер, то, соответственно, наоборот. При этом пессимизм или оптимизм народа напрямую зависят от показаний того же индекса, так что система работает по принципу замкнутого цикла, прогнозируя свои результаты своими же прогнозами.

На деле вся эта практика обернулась тем, что главным объектом межбанковской торговли в последние годы стали, грубо говоря, почти сплошь только одни долговые обязательства, векселя и расписки, гарантирующие выплаты огромных сумм при осуществлении неких фантастических условий, ни в малейшей степени не зависящих от выдающего эти расписки поручителя. Это привело к тому, что вместо реальных денег сейфы ведущих банков мира переполнились горами пустых бумажек, не подкреплённых ни малейшими реальными ценностями, – самих настоящих шулерских «кукол», не стоящих ни единого цента, но до поры до времени приносящих доходы их продавцам и покупателям. На торговле такими финансовыми «куклами»-пустышками и держалась мировая финансовая система последнего времени, всё больше превращаясь в огромную всепланетную «пирамиду» сродни пресловутой мавродиевской «МММ».

Те, кто одновременно с анализом финансового кризиса 2008–2010 годов взяли бы по какой-либо причине изучать особенности ещё и литературного процесса десятилетней давности, были бы немало удивлены полнейшим сходством того, что происходило в двух этих, весьма далёких, на первый взгляд, друг от друга, областях человеческой деятельности. Они бы увидели, что литература конца 1990-х годов – это время воцарения постмодернизма, творческого метода, который практически совершенно перестал создавать литературные тексты, имеющие хотя бы какую-то самостоятельную идейную, социальную, философскую или художественную ценность. Практикуе-

мая им методика сотворения произведений заключалась почти исключительно в повторном использовании тех текстов, которые были созданы писателями предшествующих поколений. Оттуда беззастенчиво брались чужие литературные герои и сюжеты, которые облекались в язык сегодняшних жаргонизмов и, таким образом, как бы обретали свою самостоятельную ценность. Оттуда, из книг Толстого, Достоевского, Чехова и других предшественников, выдёргивались десятки сотворённых классиками художественных образов и цитат, которые маскировались в гущу нового произведения и, как котлеты в тесте (котлеты в тексте), преподносились затем читателю.

Не производя никаких реальных эстетических ценностей, литература постмодернизма и примыкающих к ней коммерческих направлений только бесконечно закладывала и перезакладывала в банк читательского доверия взятые ею под заведомо невозвратимые проценты акции литературы прежних лет, выжимая себе на её бесконечном опошлении и обихихивании максимально возможные на то время дивиденды.

Однако не подкреплённые никакими живыми чувствами, глубокими философскими идеями, важной социальной тематикой и подлинным психологизмом сюжеты постмодернистов и других представителей российской литературы коммерческого направления конца XX века только обещивали литературное творчество, превращая создаваемые с его помощью произведения в испачканную никому ненужными буквами бумагу, переводя его из категории вечного капитала в не обеспеченные никакими реальными средствами векселя и акции и ведя тем самым этот род искусства к неизбежному банкротству.

По сути дела, это именно писатели, а вовсе не финансисты начали производить на свет такой виртуальный продукт как деривативы, когда вместо написания собственных высокодуховных и глубокоидейных книг они стали выпускать сплошь сочинения-пустышки, этакие литературные «куклы», иронически обыгрывающие произведения других авторов, а вместо реальных художественных, идейных, нравственных или эстетических ценностей стали преподносить читателю только бледные копии этих категорий в виде распыленных среди интертекста скрытых цитат из классики либо разбросанных по гипертексту ссылок на первоисточники. Перегрузив книжный рынок России сплошными литературными «деривативами», постмодернизм превратил великую русскую словесность практически в абсолютно неликвидный товар (наличие 5-10 успешных ав-

торов вроде Донцовой или Акунина являются исключением из правила и на общую картину не влияют), обанкротив тем самым один из самых надёжных и прибыльных родов искусства.

И ладно бы, если бы переключка между развитием финансового кризиса 2008–2010 годов и текущим литературным процессом второй половины 1990-х (и тот, и другой обанкротили себя переизбытком не подкреплённого никакими реальными ценностями капитала – один банковского, другой литературного) была единичным совпадением, которое можно было бы считать просто занятым сходством, так ведь нет – литература на протяжении многих лет и веков как бы упреждает ходом своего развития те тупики и повороты истории, которые спустя 10–15 лет становятся реальной судьбой России. Так, например, явление декадентов-символистов в русской литературе конца XIX века аукнулось России через неполных два десятилетия революцией 1905 года, а проклюнувшийся в 1910-е годы из бурлюковского «Приказа» и хлебниковских «Смехачей» российский футуризм предуготовил своими бунтарскими токами приход революции 1917 года. Или же вспомним предельно жёсткие стихи поэтов-романтиков первых послереволюционных лет – ну хотя бы самого молодого и яркого среди них Павла Васильева с его кощунственными и страшными призывами: «Чтобы республика зацвела, щедрой рукою посея свинец», «Пусть он отец твой, и пусть он твой брат, не береги для другого заряд... Если припомнишь, что пел коростель – крепче бери стариков на прицел», «Саблею небо руби сплеча, чтобы заря потекла по ней!..» Такие самоубийственные наклеивания беды и крови не могли не распрограммировать себя в реальной жизни, что и явило себя в последовавших в 1930-е годы репрессиях, не в последнюю очередь ударивших и по самим писателям.

В истории нашей страны слишком явно видно, как течение литературного процесса предвещает собой наступление реальных событий – причём, как мы уже говорили, не только повторением в реальной жизни сюжетов конкретных произведений, но в не меньшей степени и самим характером развития литературного процесса. Скука и однообразие в творчестве советских писателей брежневской поры материализовались через какое-то время застоем в экономике и политике, а бунтарство литературного авангарда и постмодерна завершились перестройкой и разрушением СССР.

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, как слово – эта мельчайшая и, на первый взгляд, весьма

незначительная сама по себе частичка пульсирующего мира способна влиять на развитие событий и даже менять ход истории. Ведь ещё апостол и евангелист Иоанн раскрыл нам в первой строке своего Евангелия знаменитую формулу развития мировой истории: «В начале было Слово», – дав нам вместе с ней ключ к пониманию того, что это именно оно, слово, подобно обнаруженным в атмосфере наночастицам, отражающим солнечные лучи и влияющим на изменение климата, является главным движителем исторического процесса. А уж влияние всей мировой литературы в совокупности на эволюцию человечества оказывается мощнее и загадочнее самых изощрённых нанотехнологий.

Надо сказать, что «тьнь нанотехнологий» на мировой культуре и литературе замечалась уже давно, однако, несмотря на поразительное сходство их характеристик, они рассматривались обычно как абсолютно самостоятельные области с индивидуальной природой, хотя при этом и допускалась возможность их случайного или целенаправленного взаимопересечения. По словам автора статьи «Нанотехнологии и культура» Катерины Хайлес¹, «нанотехнологии в настоящее время могут играть значительную роль в культуре общества. Они не содержат практически никаких новых теоретических знаний, однако совместное рассмотрение результатов из различных областей естественных наук в сочетании с примени-

ем самых современных приборов даёт синергетический эффект и приводит к тому, что наука выходит на новый междисциплинарный уровень...»

В этом ряду находится, на мой взгляд, и рассмотрение литературы как одной из разновидностей нанотехнологий, что, казалось бы, очевидно говорит о необходимости и целесообразности системного изучения её свойств с учётом этого неординарного фактора. Ведь если литература влияет на нашу жизнь и историю как наночастицы влияют на атмосферу Земли и её климат, то почему бы нам не влиять на развитие литературного процесса и не корректировать с его помощью ход мировой или хотя бы нашей отечественной истории? Думаю, это стоит того, чтобы наряду с лабораториями современной физики и химии открыть при создающемся ныне научном центре в Сколково также и лабораторию современной литературы...

¹ «Connecting the quantum dots: Nanotechscience and culture», in *Nanoculture; Implications of the New Technoscience* N. Hayles, ed. – Bristol, UK; Intellect Books, 2004, p. 11

Николай Владимирович ПЕРЕЯСЛОВ – родился в 1954 г.
Окончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького по жанру критики и литературоведения.
Автор пятнадцати книг стихов, прозы и критики, также множества публикаций в периодике.
Лауреат литературных премий им. А.П. Платонова, А.Н. Толстого и Большой литературной премии России.
Член редакционного совета журналов: «Всерусский собор» (С.-Пб), «Донбасс» (Донецк), «Север» (Петрозаводск), альманаха «День поэзии», всеславянской газеты «Небесный Всадник» и других изданий.
Печатался в литературных журналах России, Украины, Беларуси, Казахстана, США, Германии, Болгарии, Китая и других стран.
Член Международной федерации журналистов, Международной ассоциации писателей и публицистов, Союза журналистов Москвы и Союза писателей России.
Секретарь правления Союза писателей России.
Живёт в Москве.

